

Людина Александрова

Зигфрид
рассказывает
истории

Полина Александрова

Зигфрид рассказывает истории

«Издательские решения»

Александрова П.

Зигфрид рассказывает истории / П. Александрова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903770-1

Девочка и дракон сидят на крыше в старом городе и под светом заходящего солнца рассказывают друг другу истории. Чья окажется интереснее?

ISBN 978-5-44-903770-1

© Александрова П.
© Издательские решения

Содержание

История первая	6
История вторая	8
История третья	11
История четвертая	14
История пятая	16
История шестая	19
История седьмая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зигфрид рассказывает истории

Полина Александрова

© Полина Александрова, 2018

ISBN 978-5-4490-3770-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Солнце садится. Красноватые отблески ложатся на желтые стены домов и потемневшую черепицу крыш. Это наше время. Я выбираюсь через маленькое окошко – сначала на плоскую площадку. Когда-то хозяева хотели построить тут террасу, но почему-то в итоге ограничились одним неогороженным настилом – рисковая затея для пятого этажа. Потом – осторожно, тут можно поскользнуться – карабкаюсь на самый верх, к трубе. Тут хорошо. Одновременно и тенек, и отличный вид на весь заснеженный старый город и извивающуюся, словно змея, блестящая чешуей под закатным солнцем, реку

Зигфрид уже здесь, оккупировал лучшее место в тени, но зато каким-то чудом притащил с собой термос и кружки.

– Привет, – говорит, не оборачиваясь и продолжая наблюдать большими неподвижными глазами окно дома напротив.

– Привет, – обнимаю его, прижавшись на мгновение щекой к теплой и гладкой шкуре. Всего неделю не виделись, а надо же – соскучилась.

Зигфрид покорно терпит мои нежности. Он не любитель, я знаю. Но мне нравится, он знает.

– Чем займемся? – интересуется, наконец соизволив взглянуть на меня.

– Будем сказки рассказывать, – говорю. – Зря, что ли, я к тебе на такую верхотуру лезла?

– Положим, лезла ты сюда потому что тебе тут самой нравится, – начинает он, но потом соображает, что я его дразню, и кивает в сторону моей кружки – пей, мол. – Для сказки герой нужен. Давай придумывать.

– Чего его придумывать? – беру кружку, отпиваю. Хороший чай. С какими-то новыми травами, пахнет летом. – Есть уже. Смотри: молодой парень, приехал из провинции, покори столицу, амбиций до неба, сил полно, талантов не перечесть, ничем и никем пока особо не связан – резвись – не хочу.

– Нуууу, – говорит, – годный герой, удобный. Вполне себе можно и в огонь, и в воду, и в медные трубы.

– Эй-эй! – предупреждаю. – Поаккуратнее с огнем и водой!

Смотрит подозрительно:

– Чойта?

– Тойта, – говорю сердито. – Может, у меня интерес личный.

– Ой ну я не могу, – смеивается, – интерес у нее личный. С твоим интересом мы каши не сварим.

– Ладно, не капризничай, – чешу ему под подбородком, он урчит, довольный – не дракон, а кошка натуральная – можно огня и воды, а то сам заскучает и из нашей истории сбежит. Но чуть-чуть, без фанатизма.

– Ну тут уж как пойдет, – говорит. Встряхивается, роняя с кончиков пластинок, соединяющихся в рисунок чешуи, красные искорки, растягивается поудобнее. – История первая.

История первая

– Чем он там у тебя увлекается?

– Не у меня. Просто увлекается. Пусть, например, танцевать любит.

– Ага. Танцевать. Ну смотри. Вот он, например, танцует. Старается. Учится. Что-то получается, что-то нет. Он все-таки упирается, добивается какого-то уровня, а потом – все, ступор. Ну то есть, вроде, в общем и целом ничего, но ему мало, он же хочет быть лучшим. И вот он решает бросить, совсем.

– Как совсем?

– Абсолютно. Вообще к теме не возвращаться. Ну потому что или все, или ничего. В его духе?

– Предположим, – хмурюсь: история, на мой вкус, получается не фонтан. Но она первая, а первый блин, ясное дело, идеальным бывает редко. Так что терплю пока.

– Ну так вот. Бросил. Решил карьеру строить. И там у него, вроде, пошло. Допустим, даже пост какой-то занял. Ходит весь из себя в костюмчике и с портфелем.

– Да ну кто ж так ходит-то сейчас? – не выдерживаю. – Тем более там, где он работает, вообще никаких костюмчиков и портфелей не бывает!

– Цыц! Моя история, в чем хочу – в том и ходит! – и шипит на меня даже.

– Все, молчу, – сообщаю я и обиженно утыкаюсь в кружку.

– Воооот, – тянет эта тварь. – И едет он, положим, на конференцию куда-нибудь – ну, куда?

– В Буэнос-Айрес, – ворчу недовольно.

– В Буэнос-Айрес, – чешуйчатая морда расплывается в широкой улыбке. – И там слышит те самые мелодии, видит уличных танцоров, сбрасывает пиджак, выкидывает к чертям портфель, офисные ботинки не годятся, и их тоже нафиг-нафиг, хватает первую попавшуюся девушку, танцует в пыли так, как никогда и ни с кем не танцевал, срывает аплодисменты собравшейся толпы, танцевальные старейшины плачут, женщины несут цветы, он остается там, основывает свою школу и ездит по всему миру с выступлениями, собирает полные залы, да что там залы – стадионы!

Сижу, широко раскрыв глаза и действительно это все вижу – умеет же, гад – но говорю вредным голосом:

– Не верю.

– Ой, ну да, конечно, ты давай спроси меня скорее, кому тут твоя вера нужна? – выдает вдруг одесский говор – где только нахватался? – И я таки тебе скажу: вообще никому. Я рассказал, ты услышала, и увидела – и попробуй мне только соври, что не увидела! – первая история есть.

– Есть, – соглашаюсь. Делаю вид, что неохотно, но на самом деле первая история получилась по итогу вполне терпимой. – Чур вторая моя!

– Вторая и безо всяких чуров твоя, – величественно кивает и укладывает голову на передние лапы. – Понеслись.

История вторая

Сию, солнце подползло уже к нашему укрытию, лижет шершавым языком носки моих ботинок. Ждет. И Зигфрид тоже ждет, расслабленно поглядывая то на меня, то на все увеличивающуюся полоску солнечного света на крыше.

– Однажды утром – очень холодным зимним утром, я бы даже сказала необычайно холодным зимним утром, проснулся наш герой у себя дома. Полежал, глядя в потолок, размышляя, чем бы заняться. Новогодние каникулы, на работу не надо, на улице особо не разгуляешься – мороз стоит такой, что максимум, на что способен любой нормальный человек – это пробежаться, задержав дыхание, от дома до ближайшего магазина. Да и то только в том случае, если в доме совсем не осталось еды, а есть очень хочется. Думал, думал, но так ничего толкового и не придумал. Все возможные развлечения уже перепробованы. Только и остается, что все-таки одеться потеплее и идти в холод на поиски приключений. Так он и поступил.

Идет по небольшой мощеной улочке – один-одинешенек во всем городе, только ветер свистит да редкие снежинки по брусчатке перекатывает. Замерз моментально, конечно. Другой бы уже плюнул и домой вернулся, но наш герой не из таких. Засунул руки в карманы поглубже, нос в воротник, и знай себе идет к широкому проспекту.

А на проспекте белым-бело, как будто туда всю ночь грузовиками снег возили. И тоже – ни людей, ни машин, как повымерли все. Или повымерзли. Что скорее всего.

Ветер дунул снова, посильнее, бросил горсть снега в лицо – глаза запорошил. Проморгался герой, глядь – а по проспекту не то машина открытая мчится, не то сани несутся – белые-белые, а внутри женщина красоты неопишущей. Без шапки, без шарфа, без варежек. Длинные светлые волосы вьются по ветру, лицо нежное, белое, глаза огромные, синие, и ресницы длиннющие – кажется, моргнет – и ветер усилится. Остолбенел герой, а женщина повернулась к нему и так улыбнулась, что ему показалось, что сердце его остановилось и не забьется больше никогда. Может, только поцелуй его спасет.

– Слышшшшшшш, – Зигфрид ткнул меня головой под локоть, – чужие сюжеты не трогай, нечестно!

– Моя история, что хочу, то и трогаю, – мстительно сказала я.

Зигфрид пробурчал:

– Неспортивно.

Я сделала вид, что не расслышала.

– Красавица расхохоталась, а герой бросился бежать за машиной – или санями. Бежит и удивляется – вроде бы, и бежит не очень быстро, а успевает. Промелькнул Казанский собор, следом Адмиралтейство, мосты, колонны, и вот бежит он уже по снежному следу над Невой, высоко над городом. Ухватился рукой за пассажирскую дверь, прыгнул внутрь.

– Молодец, – говорит красавица, – догнал. За это я тебя поцелую.

– Дома, – отвечает герой, – поцелуешь. На дорогу смотри.

Зигфрид зашелся в странных звуках. Это было похоже одновременно на куриное кудахтанье, визги игрушечных ведьм на рождественском рынке и детский плач.

– Ты в порядке? – поинтересовалась я.

– В полном, – сказал Зигфрид и вытер глаза кончиком хвоста. – Что это было?

– Снижаем пафос, – объяснила я. – А то такое мимими, что аж самой противно стало.

– Ну-ну, – Зигфриду явно было что сказать на этот счет, но он предпочел промолчать.

И правильно сделал.

– В общем, привезла она его в свой ледяной дворец, только хотела его поцеловать, а он первым успел. Растаяло ее сердце, полюбила она его больше жизни, а он ее еще раньше полюбил, когда она ему улыбнулась. Дворец ее, правда, тоже растаял, но герой этому, на самом деле,

только обрадовался. Построили они новый, лучше прежнего, и стали жить-поживать и добра наживать.

– Детей, – шепнул Зигфрид.

– Зануда, – сказала я. – Правила нарушаешь. Но ладно. И родились у них дети – для начала мальчик и девочка. Мальчик весь в героя, тоже все приключений искал – то из дымохода его вытаскивают, то с дерева снимают, то крокодилы яйца – и где он их только добыл? – из-под кровати реквизируют. А девочка – вылитая мать. Красивая – такая, что даже лесное зверье приходило по утрам полюбоваться, добрая, а уж мастерица – чего ни коснется – все получается: и вышивает, и рисует, и еду готовит. Заморские королевичи начали в очередь в женихи выстраиваться еще когда ей и пяти лет не исполнилось. А герой и его королева жили долго и счастливо и любили друг друга всю жизнь так же сильно, как и в первый день. Герой, конечно, периодически пускался в дальние странствия – никак ему на месте не сиделось. У королевы, в общем-то, тоже в пятой точке неслабое шило было упрятано, так что она с удовольствием составляла ему компанию.

– Заканчивай уже, солнце скоро сядет, – проворчал Зигфрид, – а что сказано после захода солнца, силы не имеет.

– Задержи его, нам еще минимум восемь историй надо рассказать, – сказала я.

– Почему именно восемь? – кажется, мне, наконец, удалось его удивить.

– Десять – хорошее число, нет?

– Одиннадцать лучше, – неожиданно изрек Зигфрид. – Давай, закругляйся.

– Так я практически все.

– А финал?

– Какой финал? Я же сказала – жили они долго и счастливо.

– И умерли, – подсказал Зигфрид.

– А не умерли. Жили они долго, счастливо и вечно, пока им самим не надоело. А что случилось, когда им надоело – я не знаю.

– Допустим, – сказал Зигфрид. – Допустим. Тогда история номер три.

Солнце сдвинулось еще на миллиметр к горизонту.

История третья

Зигфрид откашлялся. Я долила себе еще чаю.

– Посмотри мне в глаза, – велел Зигфрид.

– Неа, – я отхлебнула из кружки, – запрещенный прием. Воспользуйся голосом.

– Никакого сочувствия к старику, – проворчал Зигфрид. – Я, может быть, вовсе не предназначен для того, чтобы говорить.

– Ты и для лазания по крышам с человеческими дамами не очень предназначен, – сказала я.

– Я бы тебя сейчас сожрал, если бы мне не было тебя жалко, – сообщил Зигфрид.

– Я должна выразить сочувствие?

– Просто посмотри мне в глаза, – потребовал Зигфрид таким голосом, что я еле удержалась от того, чтобы выполнить приказание. Поняв, что его замысел не удался, он смирился и заговорил:

– Поехал наш герой как-то к друзьям на дачу. Сидели они там, что-то пили, что-то ели, что-то рассказывали. И зашел у них разговор о фильмах ужасов, а потом перекинулся на книги. Кто-то из присутствовавших посетовал, что давно не читал ничего действительно интересного и качественного из этого жанра. Ему ответили: хочешь почитать интересное – напиши это интересное сам. Разгорелся нешуточный спор. В результате разгоряченная спиртным компания решила, что каждый, кто хочет, может написать на спор страшную историю. Срок – сегодняшняя ночь и весь следующий день. Завтрашним вечером все собираются здесь же, у камина, и читают свои истории. Наш герой в споре участия не принимал, да и не пил почти, но решил, что написание страшного рассказа – развлечение не хуже прочих. Так что немедленно требовал с хозяев полагавшуюся ему как участнику игры пачку бумаги, несколько ручек и карандашей, ушел в свою комнату и принялся писать. История, которую он придумал, настолько его захватила, что он не спал всю ночь – писал, перечеркивал, писал заново, комкал и выбрасывал в угол комнаты листы с неудавшимися фрагментами. В какой-то момент ему показалось, что в углу кто-то есть.

– Чего надо? – спросил наш герой, не прерывая своего занятия.

– Дык это, – сказали из угла, – гениальности не желаете? Всемирной известности, славы, почитания, блондинок воз?

– Ага, а взамен душу и договор кровью подписать? – герой поднял голову и присмотрелся к серой тени, стремительно густевшей и принимавшей форму.

– Именно! Приятно иметь дело с понимающим человеком! – чертик цокнул копытами и рванул было к столу, но герой махнул рукой – стой где стоишь – и сказал:

– Я блондинок не очень, извини. Так что справлюсь как-нибудь сам. Не отвлекай, ладно?

Чертик обиженно засопел и развоплотился.

Следующим вечером все готовые рассказы, не подписывая, опустили в большую шляпу, устроили чтения и голосование. Победила история про зомби-апокалипсис, написанная, как впоследствии выяснилось, женой хозяина дома – бледной худой черноглазой девицей.

– И в чем прикол? – хмыкнула я.

– Слушай дальше, – сказал Зигфрид. – Герой забрал свой рассказ себе – на память. Бросил его где-то дома и совсем бы забыл и о нем, и о произошедшем, если бы буквально в течение нескольких месяцев после этого дня автор победившего рассказа не стала знаменитостью и не издала два романа сразу. А герою вдруг начали сниться интереснейшие сны. Он рассказал пару из них своей тогдашней подруге – брюнетке, кстати – та в шутку сказала: записывай, продашь потом на телевидение. Герой так и поступил.

– И стал сценаристом сериалов?

– Не совсем. В итоге он стал писать романы. Хотя первые сценарии он все-таки продал и все-таки на телевидение. В конце концов он купил дом и поселился там отшельником. Каждый день подолгу гулял в лесу – в любое время года и в любую погоду – с двумя огромными собаками, потом писал. Иногда ездил в ближайший город за продуктами или развеяться, если становилось скучно – впрочем, такого почти не происходило. Как-то так.

– Не очень на него похоже...

– А бегать за санями – очень на него похоже? – хмыкнул Зигфрид.

– Ладно, принято, – я почесала затылок. – Хотя история странноватая.

– Люди вообще существа странноватые, – заметил мой чешуйчатый друг и мне показалось, что в его тоне промелькнула легкая язвительность. – Не нравится моя история – расскажи лучше.

– Ты же в курсе, что чем дальше, тем сложнее рассказывать лучше? – уточнила я на всякий случай.

– Безусловно, – ухмыльнулся Зигфрид. – Но ты же не ищешь легких путей? Давай, жги.

В этот самый момент небеса разверзлись и на нас хлынул дождь. Зигфрид зашипел так, будто он был раскаленным угольком, и метнулся под ту самую площадку, на месте которой предполагалась терраса. Я быстро и осторожно, стараясь не соскользнуть с крыши, последовала за ним.

– И что это такое? – Зигфрид пытался выглядеть очень рассерженным. – Во-первых, на улице зима, с какого перепугу дождь? Во-вторых, если тебе нужно время подумать, могла бы сказать и так, я, может быть, и снизошел бы. Вообще испытываю непреодолимое желание отшлепать тебя, поставить в угол и оставить без сладкого.

– Так очевидно, да? – я вытерла мокрое лицо рукавом. – Не сердись, видишь – я пострадала куда больше тебя. Теперь вот замерзну, простыну, заболею и умру.

– Потому что сама дура, – фыркнул Зигфрид. – Ты еще скажи, что единственный твой шанс на спасение – это посидеть в обнимку со мной, пока не высохнешь, потому что я, видите ли, теплый.

Я радостно покивала.

– Пффф, – сказал Зигфрид и отполз так далеко, как позволяло пространство.

Я уселась под навесом, обхватила себя руками за плечи, посмотрела вниз. Льющаяся с неба вода быстро смывала с улиц снег, прохожие, изумленные таким внезапным вывертом погоды, жались под козырьками подъездов, кто-то быстро вынимал из сумки завалявшийся там с осени зонт. Одна темная фигура стояла прямо под дождем и смотрел вверх – в нашу с Зигфридом сторону. Я пригляделась и тихо выругалась – там, где ему совсем не следовало быть, находился тот самый человек, о котором мы тут сказки рассказывали. Не прекращая смотреть наверх, он вынул из кармана телефон.

– Ой, нет, не надо, пожалуйста! – прошептала я.

В этот самый момент я ощутила горячее прикосновение – Зигфрид сменил гнев на милость и пришел меня спасать.

– Один-один? – прошипел он мне на ухо. Я буквально на полсекунды обернулась к нему, а когда снова посмотрела вниз, там уже никого не было.

– Чучело, – я выдохнула с облегчением. – Отомстил за дождь? Доволен?

– Вполне, – морда Зигфрида выглядела совершенно счастливой.

– Как ты ему глаза отвел?

– О боги, до чего ж глупа эта женщина, – хихикнул Зигфрид. – Его тут и не было, он тебе по-ме-ре-щил-ся.

– Дважды чучело, – я погладила Зигфрида, тот соорудил сложную физиономию – насколько позволяла его мимика.

Помолчали, слушая, как дождь стучит по крыше.

– Это надолго вообще? – спросил Зигфрид.

– Чтоб я знала. Я просто хотела дождя, безо всякой конкретики.

– Кто ж так делает, – проворчал Зигфрид, – чудо должно быть строго ограничено рамками – как минимум временными. О людях не думаешь – о себе бы подумала. А что если и в самом деле простудишься?

– Ай, один раз живем!

Зигфрид странно на меня посмотрел, потом глубокомысленно изрек:

– Не сказал бы.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

Он попытался улизнуть, но я успела его поймать за лапу.

– Да легко, – согласился Зигфрид, делая вид, что и не собирался убежать. – Как только с историями закончим, так сразу и будет тебе твое поподробнее.

– Вот ведь гад, – грустно сказала я. – Я же почти было поверила.

– Естественно, гад, кто ж еще! А ты стрелки не переводи, давай историю.

Я посмотрела на залитый водой уже совершенно весенний город и кивнула:

– Ну ладно. Моя история. Только она, наверное, получится не очень веселой.

Зигфрид закатил глаза.

История четвертая

Как-то так получилось, что зажил наш герой нормальной человеческой жизнью: работа, дом, девушка, на которой он, в конце концов, и женился. Не от большой любви, хотя девушка была неплохая, а просто потому что решил, что пора. Купили квартиру, машину, потом потихоньку построили дом за городом. Родили детей – троих черноволосых мальчишек – шумных и веселых. Ездили в отпуска – раз в год к морю, раз в год – мир посмотреть. Навещали родителей. Все как у людей.

Иногда герой понимал, что живет какую-то не свою жизнь, но что-то изменить ему и в голову не приходило. В такие моменты начинали ему сниться яркие чужие города, палящее солнце, самолеты, костры, а как-то раз приснился даже настоящий воздушный шар, в корзине которого он поднимался над желтой пустыней на рассвете.

Пару раз случались у него безумные любви, и тогда он пропадал из дому – весь или наполовину. Но всегда возвращался. Жена умудрялась что-то врать детям – так, что они ничего не подозревали. И сама потом ни разу не напоминала герою о случившемся.

А потом, уже в глубокой старости герой понял, что вот эта тихая и надежная женщина рядом, которая всегда и во всем, что бы ни происходило, оставалась на его стороне, и была настоящей любовью всей его жизни. И несколько последних лет прожил совершенно счастливо, жалея, что не понял этого раньше.

И когда пришел его срок, умер, держа ее за руку и улыбаясь.

– Сейчас расплачусь, – предупредил Зигфрид.

Я подозрительно посмотрела на него. Конечно же, он издевался.

– Бессердечная ты тварь, – сообщила я ему.

– Есть такое, – важно кивнул тот. – Ты будешь ещё обзывать или позволишь мне, недостойному, рассказать историю, от которой, смею надеяться, не каждый слушатель захочет немедленно удавиться?

– Ах ты! – я потянулась ущипнуть его за хвост, хвост моментально переместился на полметра влево.

– Я бы попросил, – высокомерно произнес Зигфрид, – без вот этого вот.

– А ты не критикуй мои истории. Рассказчика любой обидеть может. И вообще, где мой чай?

– Под дождем, – мстительно сказал Зигфрид. – Кое-кому солнце не нравилось и слишком сухо было, так вот теперь этот кое-кто без чая и остался.

Зигфрид помолчал, потом холодно поинтересовался:

– Так я уже могу рассказывать?

– Можешь, – я попыталась махнуть ему царственно. Попытка, ясное дело, провалилась, о чем меня и известило Зигфридово скептическое хмыканье.

История пятая

Герой всегда неровно дышал к небу. К полетам. К скорости. К адреналину. Много всякого перепробовал, чтобы найти то самое, чего ему на самом деле хотелось – и парашюты, и парапланы, и даже банджи-джампинг. Но пока не сел за штурвал маленького двухместного самолетика – все ему было не то и не так. А на этой легкой конструкции он буквально с первого раза понял: вот, это оно. То, что снилось ему ночами с детства.

С этого самого момента он, в общем-то, и пропал для всех. Остались только небо и самолет. Он и жизнь свою всю перестроил так, чтобы никогда больше не отвлекаться ни на что другое. Получил все необходимые лицензии и устроился развозить авиапочту в небольшие городки. Где такое возможно и возможно ли в принципе, я не знаю, но для того, кто чего-то по-настоящему хочет, нет ничего недостижимого. Может быть, герою ради этого пришлось создать какую-то альтернативную вселенную – кто ж его знает.

Зарабатывал этим он достаточно для того, чтобы жить и содержать самолет. Поселился герой в небольшом доме у озера – как он попал в этот дом и кому дом принадлежал прежде, это никому не известно. Известно только то, что все там было устроено так, как хотелось герою. Кроме всяких прочих жизненно необходимых вещей, в доме находился большой радиоприемник. С его помощью в нелетную погоду герой ловил чужие радиоволны и слушал незнакомые голоса, говорившие на неизвестных ему языках. В один из таких дней радиоприемник заговорил понятным языком. Кто-то нуждался в помощи, передавал координаты. Герой быстро прикинул точку и понял, что это всего минут пятнадцать лету от его дома.

Накинув куртку, он выглянул наружу. Ветер и дождь. Почту в такой день он точно не повез бы. Но кто-то попал в беду, а это совсем другое дело.

Вести самолет в такую погоду было трудно. Ветер постоянно вносил свои поправки в маршрут, дождь, висевший плотной стеной, изменил картину мира внизу до неузнаваемости. В какой-то момент герой поймал себя на том, что ведет свою летающую машину и держит требуемую точку прибытия уже только каким-то невероятным усилием воли, чистым намерением.

Наконец, как ему показалось, он прибыл на место. Посадка далась ему труднее, чем весь предыдущий полет, но он справился.

Огляделся и в пелене дождя увидел одиноко стоящее дерево и что-то светлое на нем. Бросился туда, поскользываясь на мокрой траве, и обнаружил, подобравшись ближе, что это парашютист, зацепившийся куполом за ветки и, видимо, потерявший сознание – иначе он спокойно перерезал бы стропы и освободился. А в следующую секунду герою показалось, что никакой это не парашютист, а какое-то непонятное существо – не то змей, не то дракон – большой и древний – застряло в ветках и никак не может выбраться. Герой моргнул, иллюзия пропала. Парашютист.

Забраться на дерево было делом двух минут, несмотря на то, что и ствол, и ветки были ужасно скользкими. Перерезать стропы – одной минуты. А вот спустить тяжелое расслабленное бессознательное и не делающее ни малейшей попытки помочь тело оказалось задачей не из легких. Но в конце концов герою это удалось. Дотащил спасенного до самолета, а там парашютист потихоньку начал приходить в себя. Ничего толком не рассказал, только объяснил, что успел выйти на связь сразу, как только его занесло на дерево и так ударило о ствол, что он понял, что сейчас отключится и уже ничего не сможет сделать. Героя, в общем-то, в данный момент это мало интересовало. Больше его беспокоило как они доберутся до дома по такой погоде. Но выбора не было.

Герой помог парашютисту забраться в самолет, сам уселся на свое место, и они взлетели.

Вел по приборам, потому что узнать долину внизу не мог абсолютно. Если по пути к дереву он еще видел хоть какие-то знакомые ориентиры, то теперь места казались совершенно чужими.

В какой-то момент стена дождя расступилась, и герою показалось, что он видит красные черепичные крыши.

– Держи левее, – услышал он в наушниках слабый хриплый голос. – Туда пока рано.

Герой улыбнулся и повел прямо на крыши.

– Левее, – повторил голос.

И герой с удивлением обнаружил, что самолет больше не слушается его, а направляется туда, куда приказал голос – левее, потом еще левее, потом прямо, и буквально через несколько минут дождь стал слабее, а потом и вовсе прекратился, внизу замелькали знакомые места. Вот лес, вот речка, еще пара полей и они будут дома.

– Спасибо, друг. И до встречи, – шепнул голос. Герой ощутил легкое прикосновение к левому плечу – будто похлопал кто. Потом самолет вдруг стал заметно легче, даже дернулся вверх. Герой выровнял машину и обернулся – место позади него было пустым и мокрым.

– Эй, эй, – я потрогала замершего Зигфрида, глядевшего вдаль остановившимся взглядом, – что это там на горизонте? Не самолет ли?

– Врушка, – ожил дракон. – Не самолет. Я же сказал – пока рано.

– А когда будет пора?

– Когда будет пора, тогда и будет пора, – глубокомысленно изрек Зигфрид и опять замер.

Солнечный свет вдруг полоснул мне по глазам, я зажмурилась. Кто-то в доме напротив открывал окно. До меня дошло, что дождь прекратился. Более того, крыша рядом с нами была уже совершенно сухой и теплой. Нагретый воздух поднимался вверх и дрожал. Пахло теплом, каникулами и экзаменами.

– Почему экзаменами? – удивился Зигфрид.

– Потому что весной – экзамены. А тот, кто подглядывает в моей голове, рискует получить в нос, – сообщила я.

– Слишком громко думаешь, – проворчал Зигфрид.

– Может, ты тогда и историю мою из моей головы услышишь, раз так?

– Ну уж нет. Не стану я до такой степени облегчать тебе жизнь. Вопользуйся голосом, – язвительно вернул он мне мою собственную фразу.

И я воспользовалась.

И я воспользовалась.

– Можешь, – я попыталась махнуть ему царственно. Попытка, ясное дело, провалилась, о чем меня и известило Зигфридово скептическое хмыканье.

История шестая

Он шел через снежную пустыню, проваливаясь когда по щиколотку, когда по колено. К счастью, ветер немного утих и стало возможным дышать более-менее спокойно. Да и мороз ощутимо спал. Но снег продолжал валить, и его черные тулуп, штаны и шапка теперь были белыми и еле различимыми на снегу. Намотанный почти до самых глаз шарф тоже был почти весь белым, кроме небольшой своей части – у рта и носа – оттуда вырывался горячий пар дыхания. Там шарф был бледно-оранжевым.

Он скосил глаза влево и убедился, что Тор идет за ним, чуть в стороне и позади. Делает несколько шагов, останавливается. Иногда ложится, пережидает. Его шкура тоже была вся припорошена снегом, периодически он встряхивался и тогда становился светло-серым пятном на огромном белом полотне.

Он назвал его Тором пару часов назад. До того времени это был просто безымянный волк, увязавшийся зачем-то за ним. Он примерно понимал, зачем, но не понимал, почему тот до сих пор не сделал ни одной попытки напасть.

Он стащил зубами перчатку, сунул руку за пазуху. Мешок на месте. Да и куда бы ему деться. И все равно, зная это, он несчетное количество раз проверял, на месте ли. Зря. Только тепло тратил.

Он не знал, сколько идти до ближайшего городка. Да и направление представлял себе довольно слабо. Но упрямо продолжал переставлять ноги, выталкивая себя из снега, который временами, как ему казалось, начинал вести себя как болото. Невесть откуда взявшийся раздражающий писк – москиты, что ли? откуда они в снег и холод? – усиливал сходство. Он закрыл глаза, потряс головой, открыл их снова и с изумлением уставился в белый потолок. Перевел глаза в сторону – стены, выкрашенные в светло-песочный. Опустил взгляд вниз – он лежит, раздетый, в кровати, под одеялом. Рядом на тумбочке, надрываясь, пищит будильник. Сел так резко, что в глазах потемнело и он на мгновение снова увидел снежную пустыню и Тора, подошедшего, наконец, поближе и почему-то лижущего его лицо.

– Завтракать будешь? – раздался женский голос из-за двери. – Или еще поспишь?

– Еще посплю! – крикнул он в ответ сиплым от сна голосом. И снова откинулся на подушку и закутался в одеяло. Во сне он что-то нес, что-то очень важное, и это что-то необходимо было во что бы то ни стало донести до нужной точки. Сейчас он вспомнил, что местом передачи мешка был назначен небольшой бар в центре города, бар с длинной деревянной стойкой и очень скудным освещением, что делало его идеальным местом встречи. Он бывал там миллион раз, но сейчас никак не мог вспомнить его названия.

Он закрыл глаза и попытался представить, что идет по снегу. Что толстое белое месиво, скрипя, проваливается под ногами. Что ему очень холодно. Что за пазухой мешок – что в этом мешке? Вот сейчас он уснет обратно и все узнает.

Он и в самом деле уснул, но оказался в совершенно другом месте – на большой ярмарке. Огромное чертово колеса светилось красным в черном небе. Было очень шумно – играла музыка, смеялись, пели и разговаривали люди. Рядом с ним в тире какой-то ковбой палил по банкам из двух пистолетов.

– Красавчик, дай-ка я тебе погадаю, – он почувствовал, как его руки коснулась прохладная женская рука и только потом увидел цыганку с глазами странного цвета – не то серого, не то голубого, не то зеленого. – Суждена тебе дорогая длинная, дорога трудная, а ждет тебя в конце задачка непростая.

– У цыганок черные глаза, – сказал он, вырывая у нее свою руку, и от звука собственного голоса снова проснулся.

Он предпринял еще несколько попыток, но попасть в снег ему так и не удалось.

В конце концов плюнул, выбрался из кровати, сходил в душ, оделся, позавтракал. Снег, волк, таинственные мешочки и бар, куда он должен был попасть, никак не шли из головы. Вдобавок появилось такое чувство, как будто он забыл или потерял что-то очень важное.

Решил выйти на улицу проветриться. В подъезде наткнулся на Катьку с пятого этажа. Бабка про нее говорила, что та наркоманка и психичка. Он не знал. Да им и общаться ни разу толком не приходилось. Пробегали обычно мимо друг друга, даже головами не кивали. А тут Катька поймала его за рубашку. От удивления он даже притормозил.

– Ты чего такой смурной?

И он неожиданно рассказал ей про свой сон, внутренне готовый к тому, что она покрутит пальцем у виска и пошлет его куда подальше. Катька почему-то отнеслась к его рассказу спокойно и даже как-то обыденно.

– Назад в сон попасть не можешь? Делов-то. Тебе книжку дать или на словах рассказать?

– На словах.

Простояли они в подъезде долго. Катька выкурила за это время не то три, не то четыре сигареты. Он весь пропитался табачным дымом и был уверен, что бабка вечером его точно убьет. Но это неважно. Главное, что теперь он знал, как попасть туда, куда нужно.

Попрощавшись с Катькой, он рванул назад домой, нырнул в кровать и, выполнив по Катькиной инструкции несложную последовательность действий, тут же оказался в снегу. Тор радостно взвизгнул и напрыгнул ему на плечи обеими лапами, свалив в снег. Он вспомнил, что никакой Тор не волк, а вовсе даже его собственная собака, и шла в отдалении она потому что с утра сильно провинилась и он на нее накричал.

– Все, все, хватит дурить, пошли, путь неблизкий, а нам надо успеть.

Пес мгновенно прекратил вылизывать ему лицо. Дождался, пока хозяин поднимется, отряхнется, проверит груз за пазухой – все в порядке, цел – и радостно побежал впереди, указывая дорогу.

Скоро в снежной целине появилась тропинка, потом тропинка стала дорожкой, а потом и вовсе широченной укатанной дорогой. Мимо проехала телега, за ней другая. Возницы предлагали подвезти путника, но тот только головой качал – не нужно.

Почти дошел до бара и вдруг понял, что не пойдет туда и никому ничего не отдаст. Воспользуется ценным товаром, который приносил в город трижды в неделю, наконец-то сам. Развернулся и пошел в другой конец города. В самом конце улицы нырнул в неприметную и мало кому известную дверь, поднялся по лестнице и оказался в небольшом темном помещении – почти пустом, если не считать низкого квадратного столика посередине с установленным по центру стеклянным шаром.

Он опустился на колени перед столиком, вынул мешочек, развязал его и высыпал на ладонь несколько маленьких прозрачных шариков. Пересчитал и удовлетворенно кивнул.

Расставил маленькие шарики вокруг большого. Закрыв глаза и принялся ждать.

Пару минут спустя открыл глаза, переставил шарики, подчиняясь какой-то своей внутренней логике, объяснить которую, пожалуй, не смог бы никому. И снова принялся ждать. И снова ничего не произошло. Подумал еще. Что-то не так. Может быть, шарики неправильные? Нет, шарики не могут быть неправильными – он брал их там же, где обычно. Значит, или он установил их неправильно, или нечетко сформулировал желание.

– Есть еще один вариант – что-то произошло с большим шаром. Ты об этом не думал? – из тени вперед шагнула давешняя цыганка с ярмарки. – Я знала, что рано или поздно ты не выдержишь и решишь прийти сюда сам. Плохой, плохой мальчишка!

Она протянула к нему руки.

– Дай ручку, погадаю, – пропела цыганка нежным голоском, от которого у него живот свело. – Ну дай ручку, что тебе, жалко?

Он никак не мог сбросить с себя сковавшее его оцепенение. Загипнотизировала она его, что ли?

Внезапно раздался страшный рык, серая тень метнулась к цыганке и схватила ее за одну из протянутых рук. Из прокушенного запястья хлынула кровь, цыганка завизжала, пытаясь стряхнуть с руки Тора. Идея была идиотской – пес весил раза в полтора больше цыганки и разжимать челюсти не собирался.

Он заворуженно смотрел за происходящим. Капли крови упали на большой шар и тот засветился – сначала красным, потом синим, потом белым – следом засветились маленькие шарики. Свет отделился от них, образовал полусферу над столом и принялся расти. Когда он коснулся цыганки, та перестала визжать

– Тор, ко мне! – крикнул он. Пес мгновенно оказался рядом.

Полусфера росла с каждой секундой. Он понимал, что добежать до двери уже не успеет.

Тор с размаху лизнул его в щеку. Это было больно. Тор лизнул еще раз. И еще раз.

– Открой глаза! Открой глаза! – загремел голос с небес.

Он послушно открыл глаза и увидел над собой Катькино злое лицо. Та била его по щекам и, похоже, не собиралась останавливаться. Он перехватил ее руки – одну, потом вторую.

– Я проснулся, – сказал он. – Все хорошо.

– Ага. Все просто прекрасно, – согласилась Катька совершенно спокойным голосом.

Он проследил за ее взглядом и увидел, что вся его кровать залита кровью, а в углу, прижав уши и обводя комнату дикими глазами, лежит Тор.

– Ты ранен? – спросила Катька.

– Да, вроде, нет.

– А откуда кровь?

– Цыганки, наверное.

– Не многовато, как считаешь? – Катька почему-то выглядела очень напряженной.

– Многовато. Послушай, Кать, а как ты здесь оказалась? – вдруг спросил он.

Катька задумалась, а потом растерянно сказала:

– Я не помню.

– Первое правило сновидца, – скучным голосом повторил он то, что Катька талдычила ему в подъезде и требовала, чтобы он заучил так, чтобы от зубов отскакивало, – постарайся вспомнить, как ты оказался там, где находишься. Если тебе это не удалось, то...

– Ты спишь, – упавшим голосом сказала Катька.

– Второе правило сновидца, – начал он, но Катька его перебила:

– Не нуди, я сама знаю.

Она подошла к полке и сняла первую попавшуюся книгу.

– В спальне Воланда все оказалось, как было до бала, – прочитала вслух. – Воланд в сорочке сидел на кровати.

– Достаточно, – сказал он. – Теперь закрой глаза.

Катька повиновалась.

– Открой.

Она открыла глаза.

– Читай.

– Она – зеркало, – тихо сказал мне Джуффин, – послушно прочитала Катька. И прибавила: – Попали мы.

– Насчет попали. Как ты попала в мой сон?

– А может, это ты в мой сон попал? Хотя сейчас это совершенно неважно. Меня куда больше интересует, как мы будем выбираться.

– Зачем выбираться? Можем просто подождать, пока не проснемся естественным путем.

– Не знаю, – Катька задумчиво потерла подбородок. – Мне здесь не нравится.

Тор зарычал. И одновременно с этим снаружи раздался грохот, и сильный толчок сотряс комнату.

Катька метнулась к окну. Ойкнула, прижав ладонь ко рту.

Он тоже подошел к окну. Там творилось странное. Их дом и несколько соседних – рядом и напротив – были целы. Остальные выглядели как в фильмах про войну – полуразрушенные стены, выбитые стекла. Асфальт вздыбился. Потом прямо на их глазах улица начала исчезать – пустота поглощала ее с обеих сторон, неуклонно приближаясь к их дому.

– Дайте мне ручки, касатики моя, я вам погадаю, – пророкотал женский голос откуда-то с небес.

С потолка посыпалась известка, потом кусок отвалился и рухнул на пол. В прорехе сияла пустота. Тор залаял.

– Собака! – крикнула Катька.

– Что собака?

– Он умеет ходить между снами! Быстрее к нему!

Они бросились к Тору и прижались к нему с обеих сторон.

– Домой, – скомандовал он псу и зарылся лицом в колючую шерсть, одной рукой покрепче ухватившись за собачью шею, а другой сжав Катькину руку.

Тор гавкнул и скакнул вперед.

Он пришел в себя от недовольного Катькиного голоса:

– Отпусти, и так уже синяки останутся.

Он послушно разжал пальцы, выпустив ее руку, и только потом открыл глаза.

Его комната, совершенно целая.

– Получилось?

– Да. Я проверила по книге.

– Дай мне, – потребовал он.

– Не веришь? – изумилась Катька.

– Дай.

Катька бросила в него книгой. Он поймал ее на лету, раскрыл и прочел вслух: «И вот уже Джонатан снова один в мире – голодный, радостный, пытливый. Зажмурился, открыл глаза и снова уставился на строчки. Они не изменились.

– Получилось, – он удовлетворенно кивнул. И вздрогнул, потому что в его ладонь ткнулся холодный и мокрый собачий нос. И рассмеялся: – И это тоже получилось.

– Что у тебя еще получилось? – подозрительно спросила Катька.

И он рассказал ей всю историю с начала – как шел по снегу, как расставлял шарики, как загадывал желание.

– Ну! И что же ты загадал? – Катька чуть не подпрыгивала от любопытства.

Он потрепал Тора по мохнатой башке и сказал немного смущенно:

– Мне очень хотелось собаку.

Катька уставилась на него, широко распахнув глаза:

– То есть, ты, имея возможность попросить все, что угодно, попросил какую-то собаку?

– Во-первых, не какую-то, а вполне конкретную. Во-вторых, не факт, что я действительно мог попросить все, что угодно. А в-третьих, я с детства мечтал о собаке. Ты только посмотри на него.

Тор развалился у его ног и улыбался, вывалив длинный розовый язык.

Я замолчала. Посидела немного, ковыряя носком ботинка черепицу и сказала, не глядя на Зигфрида:

– Финал слила.

– Слила, – согласился он. – Что, слабо было придумать, что он там на самом деле загадал? Решила малой кровью отделаться?

Все-таки хорошо, когда есть кто-то, кто понимает тебя едва ли не лучше, чем ты сам.

– Решила, – киваю. – Но не потому что слабо, а потому что не хотела за него придумывать. Вдруг на самом деле он другого хочет. Испорчу еще парню всю жизнь.

– Истории, значит, про него придумывать нормально, а желание загадать – это что-то сверхъестественное? – Зигфрид покачал головой. – Ну-ну. Любитель же ты ходить по краю. Причем ладно бы из любви к острым ощущениям, а то из страха.

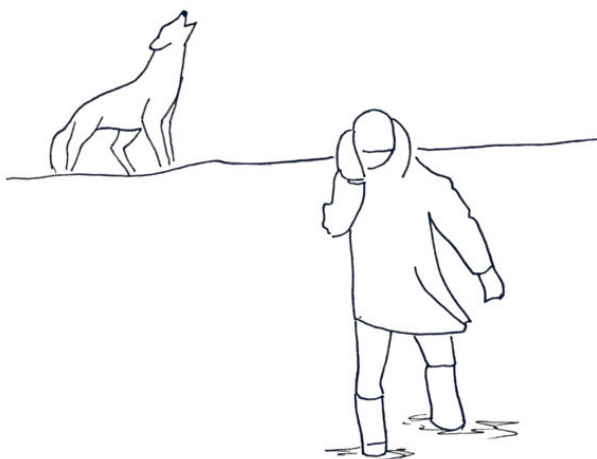
– Гад ты, – говорю грустно. – Мог бы промолчать.

– Мог бы – не был бы гадом, – ухмыльнулся Зигфрид. – Ладно, не парься. Еще пара-другая тысяч лет – и страх как рукой снимет.

– Люди столько не живут, – сообщила я, изо всех сил стараясь не разреветься. Терпеть не могу, когда мне правдой в лицо тычут.

– Люди? Где люди? – Зигфрид картинно заозирался. Это было смешно, я даже хихикнула, несмотря на всю свою печаль.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно произнес дракон. – Теперь моя очередь. Учись.

История седьмая

Темный бесконечный космос редко удивлял своими пейзажами – в его черных глубинах все было довольно однообразно. Но в этот раз он неожиданно заморозил Майка, который уже третий час копался в обшивке корабля, пытаясь обнаружить причину неполадок сканеров. Оборудование периодически выдавало сбои, но до настоящего момента работу свою сносно. Впрочем, грех было жаловаться – когда корабль попал в руки Майка, он был уже в таком состоянии, что Майк давал ему не больше года. Однако они бороздили просторы вселенной вместе уже куда дольше и были вполне довольны друг другом. Почти все свое время они бороздили, шерстя вселенную в поисках полезных ископаемых и вообще хоть чего-нибудь ценного – ведь никогда не знаешь, где на что можешь наткнуться. Подобная работа считалась довольно скучной и утомительной. Но зато самых терпеливых и удачливых она могла в любой момент одарить несметными богатствами. Профессия эта никак не называлась, Майк предпочитал думать о себе как о космическом бродяге.

Глубоко задумавшись, Майк перевел взгляд на единственную в этой системе звезду. Завораживающее оттенками мягкого света тускло горящее светило, казалось, поглощало скопившиеся вокруг него планеты, медленно всасывая одну за одной. Засмотревшись, Майк подвис на мгновение. В этот самый момент отвертка выскользнула из его руки и полетела в черноту, поблескивая в свете налобного фонаря. Это тоже было красиво – почти как вращение планет вокруг звезды, он даже залюбовался. И только потом сообразил ударить по кнопке на плече. Но поздно – на такое расстояние магнит не пробивал. Он выругался. Не то, чтобы отвертка была единственной. Но, во-первых, она была самой удобной. А во-вторых, мусорить нехорошо. Майк оттолкнулся ногами от борта корабля, вытянулся в струну. Догнал отвертку, поймал и сунул за обшлаг перчатки. Потом подгреб ко входу. Сказал в микрофон:

– Миранда, открывай, я на сегодня закончил!

– Ошибка авторизации, – ответил бесполный механический голос.

– Открывай, – повторил Майк, стараясь говорить как можно четче. Голосовой анализатор, что ли, полетел? В принципе, не проблема, но неприятно.

– Биометрическая сигнатура не опознана. Ошибка авторизации, вход запрещен, – ответила машина.

Нет, не голосовой анализатор. Похоже, программная ошибка. Еще одна попытка и придется активировать аварийную систему. Тем более, что кислород в баллонах на исходе.

– Миранда, дай мне войти. Немедленно.

Круглая дверь дрогнула и уехала в сторону, пропуская Майка внутрь.

Стоя под дезинфицирующим душем, расставив ноги и разведя руки широко в стороны, он громко спросил:

– Что это было, Мира?

– Разве не весело? – голос теперь был женским, почти настоящим. Если бы он сам не выбирал его из сотни стандартных в настройках системы, может быть, даже и поверил бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.